

Е. П. Бажанов
Н. Е. Бажанова

ЗАПИСКИ О КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Евгений Петрович Бажанов
Наталья Евгеньевна Бажанова
Записки о китайской
цивилизации

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67789368

Записки о китайской цивилизации:

ISBN 978-5-394-05136-4

Аннотация

Книга состоит из трех эссе. В первом, «Страна веселых богов», рассказывается о специфическом, сложном, многомерном религиозно-этическом мире китайцев – культе предков, конфуцианстве, даосизме, буддизме, слившихся в Поднебесной в единое целое. Вскрыты особенности ислама, христианства и иудаизма в Китае. Второе эссе, «Китайская грамота», посвящено премудростям китайского языка, особенностям иероглифической письменности, «иероглифическому» видению мира, влияющему на мышление, эстетику, живопись, архитектуру и другие области жизни китайского общества. Третье эссе, «Съедобные драконы», раскрывает тайны китайской кухни. Показаны ее головокружительная древность, всеядность китайцев, региональные различия, направленность на придание пище целебных свойств, экзотичность бесчисленных блюд, чаев, спиртных напитков и табачных изделий.

Книга написана живым языком и будет интересна широкому кругу читателей.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

This book includes three essays. The first one, “A Country of Merry Gods”, is devoted to the specific, complicated and multi-dimensional religious and ethical world of the Chinese people – ancestor worship, Confucianism, Taoism, Buddhism, which have merged together. Presence of Islam, Christianity and Judaism in the Middle Kingdom is also described. The second essay, “Chinese Riddles”, examines Chinese language, characters, calligraphy and the view of the world “through characters” influencing thinking, esthetics, arts, architecture and other spheres of the Chinese society. In the third essay, “The Edible Dragons”, peculiarities of the Chinese cuisine are discussed: its mind-boggling ancient age, no taboos in food for the Chinese, regional differences, health orientation, exotic qualities of numerous dishes, teas, spirits and tobacco products.

The book, written in a vivid, colorful style, will be of interest to general public.

Содержание

Предисловие	6
Страна веселых богов	7
Многомерный духовный мир	7
Бога нет?	13
Культ предков	25
Конфуцианство и легизм	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

**Евгений Петрович
Бажанов, Наталья
Евгеньевна Бажанова
Записки о китайской
цивилизации**

© Бажанов Е. П., 2022

© ООО «ИТК «Дашков и К°», 2022

*Памяти
Родителей
посвящается*

Предисловие

В этой книге рассмотрены три аспекта многогранной древней китайской цивилизации – религиозно-этические традиции; язык и письменность; кухня.

Авторы не ставили задачу дать исчерпывающий, всеобъемлющий анализ поднятых тем. Это, скорее, заметки, основанные прежде всего на личном опыте изучения Китая на протяжении сорока лет.

Книга написана двумя авторами, но для удобства восприятия материала излагается от имени одного из них, а именно Е. П. Бажанова.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Страна веселых богов

Религиозный мир китайцев

Многомерный духовный мир

В 1982 году мы с супругой Наташей прибыли на работу в посольство СССР в Пекине. И уже через несколько дней устроили себе экскурсию на Великую Китайскую стену. С горной дороги, ведущей к стене, увидели крестьянский дом с огородом, на котором возвышались каменные будды. Любопытство заставило остановиться и вступить в беседу с хозяином дома. Это был старик с жиденькой бородкой, который оказался весьма словоохотливым. Он объяснил, что будды достались ему по наследству от отца, тому – от его отца и т. д. Каждое из трех имевшихся у крестьянина изваяний выполняло специфические функции. Один будда оберегал здоровье крестьянской семьи, второй – «заведовал» удачей, третий – обеспечивал мужское потомство.

На вопрос, буддист ли он, старик ответил, что «будды – хорошие боги, но есть и другие, тоже полезные». После этих слов хозяин отвел нас в дом, где показал статуэтку бога богатства и изображение бога очага. Рядом с последним на стене висел портрет Иисуса Христа. Увидев наше удивление,

старик разъяснил, что портрет повесил сын, и добавил: «Это тоже важный бог, он отвечает за попадание в рай».

Еще до визита в крестьянский дом с буддами в огороде мы, конечно, были наслышаны о специфическом духовном мире, в который на протяжении тысячелетий остается погруженным китайский народ.

Во время моей учебы в Сингапуре (1968–1970 годы) местные студенты рассказали об удивительном событии, произошедшем на Тайване. Из тамошнего храма, посвященного богу земли, была украдена глиняная фигурка его жены. Паства посоветалась и решила утешить божество, устроив ему бракосочетание с прекрасной глиняной наложницей. Выбрали подходящий день, украсили храм, пригласили музыкантов и свезли на свадьбу избранных гостей – глиняных богов и богинь из разных храмов. Одни из них выполняли роль сватов, другие – свидетелей, третьи просто восседали за праздничным столом. Свадьба удалась на славу.

Выслушав историю, я рассмеялся и тут же почувствовал, что сингапурским студентам мое веселье было непонятно. С их точки зрения ничего смешного не произошло. Напротив, поступок тайваньцев в их глазах выглядел образцом мудрости. Кража статуи не столько задевала религиозные чувства китайцев, сколько выглядела как нарушение привычного многовекового уклада жизни. Вторичный же брак бога – как восстановление этого уклада.

Точно так же восприняли гонконгские китайцы известие

о том, что верховное божество популярного местного храма собирается покинуть свою духовную обитель и перебраться в Нью-Йорк. Божество – Большая желтая фея – не хотело якобы оказаться под пятой Пекина, чья юрисдикция над Гонконгом должна была быть восстановлена в 1997 году. Вроде бы тоже забавная история, шутка, но в Китае отнеслись к слуху серьезно. Корреспондент газеты «Дагун бао», издающейся в Гонконге, но связанной с КНР, взял интервью у монахов храма. Те в один голос утверждали, что богиня-фея, с тех пор как ее привезли в Гонконг из другого района Китая, не завела никаких связей с заморскими верующими. «Поэтому, – вполне резонно заявили служители культа, – ни о каком переселении феи в США не может идти и речи».

У китайца, особенно у сельского жителя, свое отношение к одежде, понимание ее функций и красоты. По уникальной древней схеме возводятся дома, они по-своему украшаются и оберегаются. То, что для иностранца может ничего не означать, для жителя Поднебесной приобретает подчас особое звучание. Например, рошица сосен или кипарисов на горизонте – признак близкого кладбища, ибо эти деревья символизируют в Китае бессмертие. Красный цвет – гроза бесов и оборотней. Поэтому ребенку к одежде прикрепляют красный бумажный лоскуток, залепляют входные двери домов полосками красной бумаги. Даже почтовая бумага традиционно украшалась узором красного цвета. Рассказывают историю о дореволюционном чиновнике, который приклеи-

вал кусочки красной бумаги на обеденные салфетки (борясь таким образом с неблагоприятным влиянием белого цвета). Красный цвет в прошлом был привилегией сановников. Простолюдинам законом запрещалось выходить на улицу в красном.

Китайский крестьянин, да и не только он, ищет ответы на жизненно важные вопросы у гадалей. Медиум может организовать сеанс связи с усопшим родственником. Он предсказывает будущее, молится о дожде, изгоняет дьявола, излечивает душу.

Каждый китаец знает легенду о том, что на Луне обитает чудесный заяц, дарующий бессмертие; что желчь – вместилище храбрости и мужества; что хэхэ – это символ супружеской любви и гармонии, обычно изображаемый в виде двух игривых ребятишек, одетых в красное и зеленое платья; что летучая мышь означает пожелание счастья; что самым великим военным стратегом древности являлся Сунь-цзы, а герои эпопеи «Троецарствие» Чжу Гэлян и Цао Цао были талантливыми последователями его стратагемного учения; что супы из ласточкиного гнезда и акульих плавников – лучшие гастрономические деликатесы; что тушь, тушечница, кисть и бумага составляют «четыре сокровища» образованного человека; что Мао Цзэдун сочинял прекрасные классические стихи; что в пекинской опере актеры должны не только петь, но и декламировать, танцевать и совершать акробатические прыжки; что изображенный на картине человек с красным

лицом – хороший, а с белым – мерзавец; что каллиграфия является «центральной частью и короной» китайского искусства; что иероглифы, высеченные на скалах предками, следует беречь как зеницу ока; что гениальный поэт VIII века Ли Бо страдал алкоголизмом и погиб, попытавшись в нетрезвом состоянии обнять отражение луны в озере; что Великая Китайская стена – единственное рукотворное сооружение, видимое с Луны; что китайцы научились печатать книги на тысячелетие ранее европейцев; что задолго до христианства Конфуций вывел золотое правило нравственности, учил толерантности.

Веками в Срединной империи преклонялись перед миниатюрными женскими ножками, которые уродовались с помощью бинтов и колодок. Их считали эталоном красоты и изящества. Пояс служил символом чиновничьей власти. В зависимости от ранга обладателя он был нефритовым, золотым или попроче. Герой одного романа, желая перещеголять всех, носил сразу несколько поясов. Еще один атрибут сановника в прошлом – шелковый халат с изображением драконов.

Этот собственный мир был не просто единственным, который знал китаец. Он априори исходил из того, что все другие порядки никуда не годятся, являются варварскими. Отказ чужеземцев от своих традиций приветствовался как свидетельство окультуривания, продвижения вверх по лестнице цивилизации. Существовала убежденность, что варвара

можно было завоевать сердцем, облагораживанием его души. Упомянутый выше военный стратег Чжу Гэлян шесть раз побеждал «южного варвара» Мэн Ху. Победив, отпускал, а тот возвращался с новой, еще более мощной армией. Но на седьмой раз Мэн Ху все-таки решил дать клятву на «вечную верность» китайскому государству.

Сегодня, может быть, далеко не все традиции заметны, некоторые уже вообще не действуют. Тем не менее их роль в истории Поднебесной огромна. Во многом именно они позволили китайцам сохранить свою культуру, несмотря на постоянные завоевания Китая, на периодический переход политической власти в стране к иностранным императорам.

Бога нет?

Весь этот специфический, сложный, многомерный религиозно-этический мир с образованием КНР впервые в длинной китайской истории оказался под угрозой исчезновения. Вслед за большевиками в СССР их китайские товарищи сразу заявили, что «бога – нет» и что «религия – это опиум для народа». Конституция КНР, правда, признала факт наличия в стране верующих и их право на свободу вероисповедания. Однако во время «культурной революции» с подобным либерализмом было покончено. Власти напомнили кадровым работникам и населению, что коммунистические идеалы и религиозные предрассудки несовместимы, и бросили клич бороться с религией до победного конца.

Так называемые «красные охранники» (хунвэйбины), подстрекаемые и направляемые сверху, бросились громить храмы и монастыри: вдребезги разбивались священные статуи и сосуды, сжигались канонические писания, избивались служители культа. Простым гражданам запрещали отправлять религиозные обряды, совершать паломничество в святые места, поклоняться божествам, участвовать в религиозных праздниках. Была приостановлена деятельность всех конфессиональных организаций.

С приходом к власти в 1979 году реформаторов антирелигиозная вакханалия ушла в прошлое. Конституция 1982

года восстановила свободу вероисповедания, новый Уголовный кодекс КНР пригрозил строгими санкциями в отношении посягательств на эту свободу. Руководство страны, разъясняя партработникам суть своей политики, указывало, что в КНР имеется большое число верующих, во многих районах религиозные проблемы взаимосвязаны с этническими. Попытки притеснять верующих привели к подрыву единства нации, разочарованию людей в социализме, к активизации антикоммунистических элементов.

Слова реформаторы подкрепляли делами. Когда мы с Наташей начали работу в Пекине, религиозная жизнь там активно восстанавливалась. Открывались храмы и монастыри, оживали конфессиональные организации, возвращались из мест заключения и перевоспитания религиозные лидеры. В продаже появились, причем в огромных количествах и в широчайшем ассортименте, товары с религиозной символикой – фарфоровые тарелки, бутылки со спиртным, шелковые ширмы, пробковые картинки с изображением фей, святых, богов, талисманов.

Мы посещали места отправления культа. Некоторые из них, еще не оправившись от «цунами» «культурной революции», оставались пустыми, с изрешеченными пулями стенами, пробитыми потолками и искореженными полами. В других полным ходом шла реконструкция, третьи уже почти вернули себе прежнее великолепие.

Реформы только стартовали (им было «от роду» три го-

да!), а в Пекине уже функционировали многие десятки культовых заведений. Правда, молящихся в них собиралось еще немного, в основном и китайцы, и иностранцы приходили туда в роли туристов, любителей старины и красоты. Тем не менее прогресс в деле реабилитации религии поражал.

Темпы этого процесса продолжали нарастать, что вызывало порой некоторые нестыковки между теорией и практикой. Как-то мы прочли в англоязычной газете «Чайна дейли» заметку о том, что в Западных горах отремонтировано восемь знаменитых буддийских храмов (Бадачу). «Укутанные облаками обители святых, – зазывно писала газета, – ждут иностранных гостей!»

Мы тут же двинулись в путь. Ориентируясь по карте, добрались до шоссе, ведущего в Бадачу. На обочине заметили полицейскую будку. Я подошел к ней, чтобы уточнить у блюстителей порядка маршрут. На соответствующий вопрос сонный полицейский пробормотал:

– Район Бадачу для иностранцев закрыт.

Я возразил:

– Вот газета, здесь говорится, что уже открыт.

Полицейский взглянул на непонятный ему английский текст и безразличным тоном изрек:

– Проезжайте и проверьте сами, закрыт Бадачу или нет.

Имея за плечами негативный опыт посещения закрытых районов, мы в Бадачу не поехали. В следующий выходной эксперимент решили повторить болгарские дипломаты. Им

повезло еще меньше. Полицейский не только не пустил болгар на заветную дорогу в Бадачу, но и записал их фамилии и номер машины в конduit для регистрации опасных нарушителей закона.

Мы же с Наташей вознамерились изучать религиозные достопримечательности в черте Пекина. Заглядывали в свежий путеводитель для иностранцев «Пекин: старый и новый». В нем содержалось подробное описание нескольких десятков храмов, монастырей, мечетей, церквей. Из текста складывалось впечатление, что все они стоят целехонькие и невредимые, полные древних сокровищ и с нетерпением ждут нашего появления.

В качестве первого объекта выбрали Храм кипарисовой рощи (Байлиньсы). В путеводителе не содержалось его точного адреса, не был он обозначен и на карте города. Тем не менее найти храм оказалось несложно. В Китае все улицы и переулки, расположенные вблизи какого-то древнего храма или замка, как правило, носят имя этой реликвии. Более того, практически все общественные заведения в округе (магазины, рестораны, школы, пункты проката и пр.) называются аналогичным образом.

Так было и на сей раз. Но трудность состояла в другом. Наша «Волга» едва вписывалась в узкие извилистые хутуны – переулки, забитые велосипедистами, торговцами семечками и арахисом, малолетними игроками в пинг-понг, заготовленными на зиму горками угля и штабелями пыльной капу-

сты.

Переулки в старину прокладывали кривыми умышленно: считалось, что по ним злым духам продвигаться гораздо сложнее, чем по прямым магистралям. Не будучи злыми духами, мы до храма добрались. Вошли в передний двор – там жили люди. Помещения выглядели полуразрушенными, двор – весьма запущенным, грязным. В конце двора высились наглухо заколоченные ворота. За ними угадывались величественные храмовые постройки, которые тоже нуждались в срочном ремонте.

Пока мы обмозговывали дальнейшие действия, из укрытия появился боец с винтовкой через плечо. Подошел и поинтересовался, что нам надобно. Объяснили. Боец решительно помахал растопыренной ладонью:

- Никаких экскурсий. Здесь закрытый объект.
- А что за объект?
- Секретный.

После долгих препирательств боец все-таки «раскололся» и поведал «государственную тайну»: на территории храма находится районное отделение Пекинской городской библиотеки.

Я обрадовался:

- А в библиотеку можно пройти?
- Нет.
- Почему?
- Потому что сегодня суббота, библиотека отдыхает.

Делать было нечего, мы вышли на площадь перед храмом и стали фотографировать друг друга. Мгновение спустя часовой, с винтовкой уже наперевес, выскочил к нам и истошно закричал:

– Съёмки запрещены! Уходите отсюда!

Уезжая, мы обратили внимание на то, что по всему периметру храмовой стены натянута несколько рядов колючей проволоки, рассыпано битое стекло. На миг подумалось, что внутри притаилась не банальная библиотека, а какая-то секретная организация. Хотя в Китае такие оборонительные редуты используются повсеместно от воров.

Получив в Байлиньсы от ворот поворот, мы направились еще к одному заманчивому объекту из туристского справочника Храму бога горы Тай (Дунюемяо). Увы, и там нас ждало разочарование. Как объяснил стражник, дежуривший у ворот, внутри находится учреждение, куда иностранным гостям лучше не ходить. Ссылки на туристский справочник стражника не впечатлили, он парировал наши аргументы почти по-гётевски: теория суха, мол, а древо жизни пышно зеленеет. Пока стражник философствовал, с территории храма выезжали один за другим официальные «мерседесы».

Постепенно, однако, эти и большинство других религиозных заведений восстанавливались в первоначальных правах, возвращались к полнокровной духовной жизни, открывались и для иностранцев. Хотя инциденты с гостями из-за рубежа случаются до сих пор. наших друзей задержал недав-

но патруль за то, что они фотографировались на фоне знаменитой пекинской мечети.

А мы с Наташей беспрепятственно делали там снимки четверть века назад, на самой заре китайских реформ. Более того, фотографировались вместе с настоятелем мечети. В те же годы я свободно пользовался фотокамерой на территории мечетей ряда провинциальных городов.

В глубинке вообще религиозный ренессанс ощущался гораздо более явственно. В одном только уезде провинции Чжэцзян в 1984 году было воздвигнуто около 300 молелен! А всего по стране, наверное, сотни тысяч. Их открывали на полях и дорогах, в избах и школах. Путешествуя по КНР, мы фактически не видели ни одного крестьянского надела, не увенчанного храмом поклонения местным духам. Чаше это было невзрачное сооружение, забитое от пола до потолка фигурами и изображениями святых. Деревенские дома, все без исключения, были облеплены заклинаниями против злых духов, картинками с изображением хранителей жилища. Важные дела труженики села обсуждали с монахами и гадалками – когда приступать к севу, где строить сарай для скотины, как назвать первенца.

Местные начальники сетовали в беседах с нами, что в условиях открытости и реформ вновь подняли головы многочисленные шарлатаны, выдающие себя за повелителей дождя, исцелителей от любой болезни и даже за живых будд, воскресших героев далекого прошлого. В жизнь возвраща-

лись и феодальные предрассудки. В деревнях мужчина, поселившийся в доме жены, неизменно становился объектом интенсивной травли со стороны соседей. Общественно активные женщины подвергались оскорблениям.

Горожане тоже проявляли религиозное рвение. В городе Цюаньчжоу (провинция Фуцзянь) в разгар рабочего дня храм местных божеств оказался забит прихожанами, среди которых было много детей. В другом фуцзяньском городе, Сямэне, в парке, посвященном памяти национального героя Чжэн Чэнгуна, функционировали две кумирни, пользовавшиеся огромной популярностью у посетителей парка. Гигантский южный город Гуанчжоу в День поминовения предков был заполнен процессиями красочно одетых людей, которые разбрызгивали благовония, стучали в барабаны, пели песни, декламировали заклинания. На каждом углу Гуанчжоу и в тот, и в обычные дни продавались различные культовые предметы условные бумажные деньги, красные полоски бумаги с изречениями, специальное печенье, душистые палочки. Рядом с продавцами в поте лица трудились гадалки.

Религиозные образы и статуи, заклинания и пожелания изобиловали в магазинах, харчевнях, жилых домах любого города. При этом, восстанавливая в 1980-х годах в правах религию, руководство КНР отнюдь не изменило своих основополагающих атеистических установок и не собиралось выпускать религиозный ренессанс из довольно жестких рамок.

В Пекине неизменно исходили и исходят из того, что по мере развития экономики и общества, повышения уровня социалистической материальной и духовной культуры постепенно начнут исчезать условия и причины существования религиозных верований и, в конце концов, вера в высшие, неземные силы отомрет. Причем китайская компартия не намерена ждать этой «объективно неизбежной» развязки со сложенными руками. Борьба с религией не прекращается, но ее стремятся вести гораздо более гибко, чем в прежние экстремистские времена.

Верить в богов можно, но религиозным деятелям строго-настрого запрещено вмешиваться в вопросы государственного управления. Наложено табу на религиозное обучение детей до 18 лет, на какую-либо пропаганду религиозных взглядов за пределами специально отведенных мест (т. е. храмов, монастырей, церквей). Члены КПК вообще не имеют права верить в бога и принимать участие в религиозной жизни. Вместо этого партийцы обязаны вести атеистическую пропаганду, а главное – «упорно и решительно» воспитывать религиозных деятелей, чтобы те «защищали руководство партии и правительства, стойко придерживались социалистического пути», а в придачу ко всему еще и «обладали научными познаниями о религии».

Реализацией этих установок занимаются специальные отделы по делам религий. Они курируют все – начиная с подготовки священнослужителей и заканчивая беспощадным пре-

сечением любых признаков антикоммунистической деятельности в религиозной среде. В прерогативу государственных органов входит даже подбор и утверждение в сане религиозных деятелей.

Для удержания контроля над религиозным сообществом власти весьма щедро его финансируют, оплачивая подготовку священнослужителей, реставрацию и строительство новых культовых построек, текущие расходы служителей культа.

Покровительством государства пользуется только пять вероучений: буддизм, даосизм, ислам, христианство, иудаизм. Все остальные религиозные объединения квалифицируются как «тайные реакционные общества и ритуальные секты» и не подлежат защите со стороны властей. Особенно неприемлемой считается «организация ритуальных сект, использующих феодальные суеверия». Под «феодальными суевериями» подразумевается все, что связано с культом предков, хиромантией, геомантией и т. п.

В определенных случаях «суеверия» могут быть наказуемы сами по себе, в соответствии с параграфом 165 Уголовного кодекса. Если же «секты, использующие феодальные суеверия», создаются еще и с «контрреволюционными» целями, то это в соответствии с параграфом 99 Уголовного кодекса наказывается тюремным заключением, надзором полиции или лишением политических прав на срок до пяти лет. Хотя в Уголовном кодексе упоминаются лишь «ритуальные сек-

ты», на практике их не отделяют от тайных обществ. Пресекается и деятельность последователей вероучений, разрешенных государством, если они не повинуются официальной линии.

Религиозная политика Пекина, сочетающая методы кнута и пряника, эффективна лишь отчасти. С одной стороны, процент верующих в КНР очень невелик, около 10 % (в среднем в мире он составляет 80 %). Но дело здесь не только в атеистической политике правящей компартии.

Относительное безразличие китайцев к религии проистекает из исторических и культурных традиций. С другой стороны, в современном Китае налицо не ослабление (как на то рассчитывает китайское руководство), а усиление религиозности населения, активизация неформальных вероучений и организаций, которые среди прочего проповедуют антикоммунизм, а в районах компактного проживания нацменьшинств и антиханьский национализм, фундаментальный и экстремистский исламизм.

Причем надо иметь в виду, что многие нацменьшинства весьма отличаются от ханьцев по своему отношению к религии.

У 55 нацменьшинств число верующих превышает 50 % населения. 20 с лишним нацменьшинств раньше верили поголовно, и сейчас верующих среди них абсолютное большинство. Наиболее религиозны тибетцы, проповедующие разновидность буддизма – ламаизм, и хуэй, следующие исламу.

Поговорим же теперь более детально о различных составляющих религиозной жизни в Поднебесной. Начнем с самого древнего культа.

Культ предков

Неподалеку от города Тайюань (провинция Шаньси) раскинулся живописный мемориальный комплекс Цзиньцы. Дата его основания неизвестна, но он упоминается уже в географическом трактате V века. Заложен Цзиньцы был в честь князя Шуюя, правившего этим районом еще при династии Чжоу, задолго до нашей эры. Княжество называлось Тан, а его правитель получил имя Тан Шуюй.

После его смерти княжество переименовали в Цзинь, поскольку рядом текла река с таким названием. Столица княжества стала Цзиньяном (нынешний Тайюань). В VI веке правители Северного Китая расширили Цзиньцы, добавили к нему различные павильоны и залы, разбили вокруг сады и превратили это место в одну из своих резиденций, предназначенных для отдыха и забавы.

В VII веке некий Ли Юань начал из района Цзиньяна борьбу за создание новой династии. Император предыдущей, Суйской династии послал Ли Юаня в Цзиньян для подавления крестьянского восстания. Вместо расправы с бунтовщиками Ли Юань возглавил их и повел армии на добывание ослабшей империи. Перед походом на столицу Суйской династии (в провинции Хэнань) Ли Юань посетил Цзиньцы, чтобы попросить покровительства у духа Шуюя. Победив, в знак благодарности к предку Ли Юань назвал династию его

именем – Тан. Сын Ли Юаня, Ли Шимин, второй танский император, считающийся одним из величайших правителей в истории Китая, также бывал в Цзиньцы и поклонялся духу Тан Шуюя. Почести памяти этого человека воздавали и в дальнейшем, вплоть до XI века.

В XI веке император Северной Сунской династии Жэнь Цзун велел построить в Цзиньцы храм Святой матери в честь родительницы Тан Шуюя. С тех пор культ Тан Шуюя начал отходить на задний план и в конце концов был полностью предан забвению. Центром притяжения для верующих и суеверных стала Святая мать, которая, как считалось, обладала магической силой. К ней в храм приходили с мольбами о дожде, излечении от болезни, удаче, счастливом будущем. Затем комплекс Цзиньцы был превращен в музей, охраняемый государством как историческая реликвия.

Осенью 1982 года мы с коллегой-дипломатом посетили Цзиньцы. Начали осмотр с храма Святой матери, построенного в Сунскую эпоху, тысячелетие назад, и сохранившегося с той далекой поры во всем своем великолепии. Входим в храм и оказываемся перед нишей, в которой на троне восседает сама богиня. На ней церемониальное платье, на голове большая диадема замысловатой конфигурации. Черты лица, напротив, строгие, холодные.

Святая мать окружена фигурами 42 женщин, расставленными вдоль стен. Они сделаны в Сунскую эпоху из терракоты и считаются значительными произведениями искусства.

Четыре из этих женщин, стоящих у трона, одеты официально, и на их застывших лицах не написано ничего, кроме чувства преклонения перед богиней.

Зато остальные 38 выглядят живыми, разными, каждая со своим характером, наклонностями, мыслями. Они отличаются друг от друга костюмом, размером, украшениями, возрастом, настроением, профессией. Впечатление такое, будто фотограф запечатлел женщин на пленку в момент, когда они только собирались перекинуться с кем-то словечком, куда-то уйти, что-то подсмотреть, над кем-то подшутить или о чем-то погоревать.

Вот старая служанка с метлой, нахмурившаяся, сердитая, с укоризной наблюдающая за сценкой, которая ей явно не по душе. Ее соседка по храму – хрупкая юная танцовщица в элегантном платье, вся светящаяся от восторга, польщенная вниманием публики. Рядом с ней стареющая певица, чей голос уже не доставляет радости окружающим. На лице – глубокая грусть о безвозвратно ушедшем прошлом. А вот женщина, переодетая в мужчину-повара. Обед у госпожи на столе, и она, сложив ладони у груди, с трепетом ждет реакции на свои кулинарные старания.

Служанка, ответственная за императорскую печать, подобострастно согнулась перед госпожой. На лице – повинование и готовность угодить. Далее стоит юная служанка, только, видимо, прибывшая из деревни во дворец. Она – воплощение беспечности, легкомыслия, смешливого удивле-

ния тем, что происходит вокруг. Девушка явно хочет что-то сказать, с кем-то поделиться нахлынувшими впечатлениями.

Особенно великолепна певица с платочком в руке. Она чуть-чуть склонила голову и о чем-то думает. Но о чем? Если смотреть на нее справа, то кажется, что девушка опечалена. Стоит же взглянуть на фигуру спереди, как на губах певицы вспыхивает радостная улыбка. Это самая знаменитая скульптура в храме, и ее выносят на передний план во всех путеводителях по Тайюаню и Цзиньцы.

В сувенирных лавках стояли копии упомянутой девушки из гипса, глины. Выглядели они старыми, словно оригиналы, но изготовлены были совсем недавно. В каждом уважающем себя китайском городе имеются мастерские, в которых ремесленники великолепно подделывают бронзу VI века до н. э., танский фарфор VII века н. э., свитки Сунской династии. Отличить на глаз подлинник от копии трудно – та же зеленая плесень на бронзовом сосуде, те же потускневшие краски на фарфоре, та же желтизна свитков.

Копии, как правило, дороги, но в Цзиньцы их продавали по сносной цене. Мы выбрали девушку-певицу в гипсовом исполнении. Фигура была покрыта трещинами, царапинами, но в этом якобы и заключалась ценность копии.

Сбежались продавцы. Их в китайских магазинах всегда очень много, но толку в те времена от них было мало. Цен на товары они, как правило, не знали, при просьбе запаковать изделие – терялись, суетились и долго искали подходящие

упаковочные материалы. И в тот раз выяснилось, что нет коробки для фигурки. Кто-то куда-то умчался и вернулся минут через десять с коробкой, которая явно не дотягивала до размеров статуэтки. Тем не менее группа продавцов дружно принялась впихивать гипсовую девушку в миниатюрную тару. Остановить их удалось в самый последний момент, когда и без этого надломленная головка статуэтки стала издавать неприятные для наших, хозяйских, ушей звуки. Потом вносились другие коробки, все негодных размеров. В конце концов, девицу кое-как наискось впихнули в тесный ящик, укутали стружкой.

Эта жанровая сценка всплыла у меня перед глазами, когда мы с Наташей покупали красивейшую настольную лампу из знаменитого исинского фарфора в 2003 году в городе Хайкоу (остров Хайнань). Дело происходило в фешенебельном пятизвездочном отеле, где все было на высшем международном уровне – богатый интерьер гостиничного холла, изысканность магазинов и баров, вышколенный обслуживающий персонал. Но в антикварной лавке отеля повторились те же безалаберные хлопоты с упаковкой. Продавцы подтаскивали коробку за коробкой, каждый раз неподходящую, а менеджер силился впихнуть в тесную тару хрупкую лампу. В конечном счете впихнул.

В Цзиньцы, после окончания процесса упаковки фигурки девушки, мы продолжили экскурсию. Направились в храм Водной матери. Попасть внутрь, однако, не удалось. Насту-

пил святой для любого китайца момент – обед. В 12:00 девушка-смотрительница удалилась кушать. Ворота вверенного ей объекта предусмотрительно заперла, и, как наш гид, товарищ Чжао, ни бился, отыскать ключи не мог. Обедал весь обслуживающий персонал, причем непонятно где, все билетерши, милиционеры и сторожа бесследно испарились.

Наш гид тоже, чувствовалось, начал испытывать муки голода. Мы не хотели его обижать, поэтому просто взглянули через решетчатые ворота на Водную мать, восседающую в темноте храма на троне, и тут же предложили товарищу Чжао отобедать.

Вышли за ограду Цзиньцы и присели на корточки (любимая поза в Поднебесной) рядом с хозяином походной кухни. Через минуту он подал грязноватые пиалы с отваром, в котором плавали кусочки соевого творога и пучки обваренной в кипятке травы. Добавив соленого соевого соуса, мы с аппетитом выпили суп, оказавшийся весьма вкусным. Закусывали местным хлебом – пресными пампушками маньтоу. Все угощение на троих обошлось в 60 фэней (копеек).

После обеда китаец обязательно должен вздремнуть. Водитель, покушав, сладко спал в машине, а товарищ Чжао оставался при нас. Он только недавно окончил институт, был принят в «Интурист», лелеял честолюбивые планы вырасти в гида национального ранга. И он решил превозмочь сон. Поскольку все храмы и павильоны Цзиньцы не функционировали в период «тихого часа», Чжао пожертвовал послеобе-

денный отдых на пересказ легенд, связанных с Цзиньцы.

Начал с Водной матери. Откуда пошел ее культ? Основан на легенде, очень популярной в округе. Когда-то жила там молодая крестьянка, к которой безобразно относилась свекровь. Каждый день гоняла старуха невестку за водой на далекий колодец. Однажды девица повстречала старика, который попросил воды для своей лошади. Девушка отдала всю воду, и за это старик подарил ей волшебную кисточку. Достаточно было провести кисточкой внутри горшка, как он до краев наполнялся чистой водой. С тех пор крестьянка перестала ходить к колодцу.

Свекровь заметила это и поручила дочери выяснить, откуда невестка берет воду. Та подсмотрела за девушкой и попыталась сама наполнить горшок с помощью кисточки. Но не знала секрета пользования магической кисточкой и не могла остановить водный поток. Разразился потоп. Тогда невестка, которая в этот момент причесывалась в соседней комнате, бросилась к горшку с водой и села на него. Потоп прекратился, но зато забил родник, из которого образовалась река Цзинь, до сих пор приносящая влагу полям и производящая электричество для города Тайюань.

Крестьянка превратилась в богиню, которую сельские жители в округе почитают до сих пор. Главный источник реки Цзинь действительно находится в месте, где поставлен храм Водной матери. Чжао ведет нас к бассейну около храма, продолжая рассказывать местные легенды. Подходим к вось-

миугольному павильону под ажурной крышей. Павильон построен в VI веке. Ключ, зарождающийся под храмом Водной матери, проходит под павильоном и именно там вырывается на поверхность с глубины нескольких метров. Струя круглый год имеет одинаковый напор и температуру (+15 °С). Говорят, что человек, омывший лицо из источника, будет вечно молодым. Родник так и называется – «Источник вечной молодости».

В центре бассейна стоит беседка, именуемая «Лодкой, которая никогда не причалила». Рядом из воды торчит каменный столб. Говорят, что это могила Чжан Лана, героя еще одной легенды. Река Цзинь распадается у своих истоков на два рукава, отдельно несущие влагу в тайюаньскую долину. Издревле между крестьянами шли споры о том, как делить воду реки Цзинь. Наконец власти предложили следующий способ разрешения конфликта. У «Источника вечной молодости» был поставлен котел с кипящим маслом. В масло бросили десять нитей с нанизанными на них монетами и предложили смельчакам достать из котла эти нити. Кто сколько нитей вытащит – столько долей речной воды и получит. Вперед вышел Чжан Лан. Он выудил из котла семь нитей из десяти, но получил ожоги, от которых умер. С тех пор 7/10 воды реки Цзинь течет на север, а 3/10 на юг. Бассейн перекрыт каменными плитами с отверстиями. На северном направлении отверстий семь, на южном – только три. В месте, где река разделяется на северный и южный рукава, и похоронен герой.

В Цзиньцы масса других почитавшихся веками религиозных реликвий, святынь, просто исторических ценностей. Вот храм в честь Тай Тая, легендарного героя, который много тысячелетий назад якобы обуздал реку Фэн. А это храм Тан Шуюю, в память о котором был основан Цзиньцы. Герой давно забыт, но в храме находятся ценнейшие буддийские сутры, высеченные на колоннах в конце VII века. В стенах замурованы каменные таблички со стихами, написанными Мао Цзэдуном и Чжу Дэ. Перед храмом стоит стела с надписью, сделанной танским императором Ли Шимином в 647 году. Император, в частности, выражает благодарность Тан Шуюю за покровительство династии.

В горах у Цзиньцы вырублены две знаменитые пещеры. В одной высится статуя Лин Гуаня, древнего чиновника и мага, который тоже почитался веками. А выше пещера, где обитал поэт, художник, философ, врач, борец с маньчжурским владычеством Фу Шань.

В Цзиньцы, наверное, надо провести неделю. За день всего не осмотришь, да, кроме того, от лавины легенд, историй, фактов начинает кружиться голова. Покидая Цзиньцы, спрашиваем Чжао, как квалифицировать этот храмовый комплекс, к какой религии его можно отнести. Святая мать, Водная мать, Тан Шуюю, сутры, божества – все в одном месте, все переплетено, перекручено.

– Это комплекс в честь предков. Им всегда поклонялись все китайцы, в каких бы богов они ни верили.

Свидетельства культа предков в Китае встречаются буквально на каждом шагу. Цзиньцы был моим первым соприкосновением с этим культом, поэтому произвел большое впечатление. А так, в китайской табели о рангах данный комплекс далеко не самый важный. В пухлом справочнике о достопримечательностях КНР за 2008 год Цзиньцы вообще не упоминается. В другом справочнике, предназначенном для иностранных бизнесменов, храму посвящена лишь строчка. Зато многие другие места и личности, связанные с культом предков, удостоиваются отдельных трудов и даже энциклопедий.

Тысячи и тысячи предков нынешних ханьцев традиция возвела в ранг героев, более того – божеств. Богами традиция сделала и многих исторических личностей. Случалось, что им молились в храмах еще при жизни (как было с одним популярным провинциальным чиновником), но чаще – после смерти. Главного министра, жившего при династии Чжоу (XI–III века до н. э.), Люй Шана столетиями почитали как бога войны. В Средние века его сменил на данном «посту» Гуань Гун, генерал эпохи Троецарствия (220–280 годы).

Непрерывным потоком едут китайцы в провинцию Хубэй, чтобы поклониться могиле этого бога-человека. Поехал и я. Водитель машины, пожилой и не очень образованный человек, дал по тормозам, что называется, в чистом поле. Съехал на обочину и, махнув рукой в сторону скучного равнинного пейзажа, сообщил:

– На этом поле состоялся бой, в котором Гуань Гуна убили. Было это в третьем столетии.

Познания водителя впечатлили, но позднее я убедился, что практически любой китаец знаком с нюансами жизни и деятельности Гуань Гуна. Чуть ли не в каждом городе есть храм, посвященный Гуань Гуну, в целом ряде мест – его могилы (в одной якобы похоронена рука героя, в другой – нога и т. д.). А в большинстве современных ресторанов и харчевен КНР красуются фарфоровые изваяния Гуань Гуна с контейнерами для пожертвований. И клиенты жертвуют юань-другой в надежде, что божество защитит, оградит от напастей.

Храмы в Китае воздвигнуты в честь великих мореплавателей и верных слуг, искусных лекарей и послушных сыновей, авторов мелодичных поэм и покорителей разрушительных наводнений.

В качестве образца сыновней почтительности называют, например, поступок некоего Шэнь Шэна, старшего отпрыска правителя государства Цзинь князя Сяня, жившего за несколько веков до нашей эры. Под влиянием интриг второй жены князь согласился назначить своим преемником ее сына, а не – как было положено старшего из трех сыновей от первой жены. Сянь приказал умертвить трех сыновей от первого брака, но старший сын, упомянутый Шэнь Шэн, повинувшись долгу, сам перерезал себе горло.

Следует, правда, отметить, что два его младших брата

оказались менее послушными и сбежали из дома. Через 19 лет один из них, Чжунэр, силой отвоевал себе отцовский трон. Зато в окружении Чжунэра находился другой замечательный человек, служащий образцом еще одной заповеди – преданности начальнику. Его имя Цзе Цзытуй. Господин Цзе верно служил Чжунэру многие годы и однажды даже спас его от голода, покормив мясом, вырезанным из собственной ноги.

Чжунэр, однако, забыл о заслугах Цзе Цзытуя. Когда же хорошие министры покритиковали князя за короткую память, он приказал найти скромного героя. Цзе не нуждался в почестях и бежал в лесистые горы Мянью, причем унес на своих плечах родную мать. Чжунэр решил выкурить беглецов из чащи огнем. Лес был подожен и пылал три дня и три ночи, пока не выгорел до основания. И перед княжеской дружиной предстала трагическая картина: обгоревшие тела Цзе и его матери лежали в обнимку с ивовым деревом. Чжунэр повелел тогда назвать гору Мянью горой Цзе. Новое название получил и родной город Цзе Цзытуя – Цзесю, дословно «место покоя Цзе». По указанию Чжунэра был воздвигнут храм в честь сына и матери.

Ну а народ взял в привычку в годовщину смерти Цзе Цзытуя не зажигать огня и сажать у своего дома ивовые веточки. Этот день получил название Дня холодной еды, и совпадает он с праздником Цинмин (о котором речь пойдет ниже).

Все это напоминает святых в католической и православ-

ной церквях, но там обожествляет сама церковь, а в Китае инициатива всегда шла снизу, от народа. Сложилась традиция сверять все дела с указаниями и поступками предков, учиться у них и благодарить их за нынешние успехи. Тот же Мао Цзэдун не стеснялся постоянно черпать идеи и аргументы из древних книг.

При этом, кстати, отношение китайцев к предкам – явление очень сложное, многоплановое, в котором постороннему разобраться отнюдь не легко. Возьмем такой на первый взгляд простой факт.

В учебниках истории рассказывается о династии Цзинь, которую основали в северо-восточных районах Китая чжурчжени, народ, пришедший с территории современной Маньчжурии. Царство Цзинь преподносится с большой симпатией, в превосходных тонах говорится о достижениях его цивилизации. Далее повествуется о том, как монголы варварски расправились с царством Цзинь.

Но вот мы попадаем в город Ханчжоу, что расположен гораздо южнее, в районе реки Янцзы, и видим величественный памятник национальному герою Юэ Фэю. О нем написаны горы литературы. Чем же прославился Юэ Фэй? Оказывается, тем, что спасал китайскую династию Сун от нашествия «лютых врагов» – чжурчженей из царства Цзинь.

Или вспомним личность У Саньгуя. Он командовал правительственной армией в войне против маньчжурских захватчиков, а затем вступил с маньчжурами в союз против

крестьянских повстанцев во главе с Ли Цзычэном. После прихода маньчжурской династии Цин к власти в Китае У Саньгуй был назначен властителем юго-западной части страны и, базируясь в провинции Юньнань, добивал повстанцев-патриотов. Именно он казнил последнего минского (то есть китайского) претендента на престол.

Ли Цзычэну и другим лидерам повстанческого патриотического движения в разных районах Китая поставлены памятники, в их честь воздвигнуты храмы. Но в Куньмине, столице провинции Юньнань, есть Золотой храм (Цзиньдань) и в честь У Саньгуя. Там экспонируются его личное оружие, масса картин, запечатлевших знаменательные эпизоды из жизни этого сановника. Одна из картин отображает безответную любовь У Саньгуя к красавице, которая не могла простить ему предательства интересов родины. И тем не менее У Саньгуй тоже предок, памяти которого поклоняются. В Золотом храме нескончаемые потоки туристов, почтительно изучающих биографию У Саньгуя.

При пиетете китайцев к предкам вообще главное место в культе занимают усопшие родственники. В семьях из поколения в поколение передается книга с жизнеописаниями прародителей мужского пола. Заглянув в нее, современный китаец может прочитать о своих предках, живших сотни, а то и тысячи лет назад. Когда и в какой семье они родились, где жили, чем занимались, чем отличились. В доме обязательно имеется алтарь с изображениями (в виде рисунков и фото)

усопших, благовониями и различными подношениями.

Конечно, ушедшие поколения чтят везде, но в китайской традиции своя и значительная специфика. Главная особенность заключается, пожалуй, в том, что предки превращались в сознании китайцев в богов, причем, в отличие от официальных небожителей, в близких и любимых. Бытовало мнение, что предки в состоянии помочь живущим и это, по существу, является их обязанностью. В свою очередь потомки должны оказывать услуги усопшим – приносить подношения в виде пищи, бумажных копий одежды, мебели, лошадей и пр., спасти от ада (примерным поведением и молитвами). Если же происходило стихийное бедствие – эпидемия, засуха, землетрясение, – китайцы винили в этом злых духов и искали защиты у справедливых богов, но никогда у предков. Напротив, просили покровительства и для предков.

Ничего не знать о своих родителях или не иметь детей – ситуация, неприятная для любого человека. Для китайца такая ситуация всегда была тяжелой вдвойне, он оказывался без духовных корней и без будущего.

Пусть даже религиозный подтекст упомянутых убеждений больше не существует, зато осталась традиция, определяющая образ мышления и действия китайца. Наиболее знаменательные ханьские праздники – Новый год и Цинмин – пронизаны идеей встречи всех родственников, в том числе и ушедших в мир иной.

Места вечного упокоения всегда занимали особое место в

жизни китайцев. Императоры, а вслед за ними высокие чиновники и богатеи, наподобие древних египтян готовили себе усыпальницы с молодости. В соответствии с указаниями геомантов выбирали местность, которая должна была обеспечить их душам удачу и процветание в потустороннем мире. Самый знаменитый пример такой усыпальницы – подземное царство первого китайского императора Цинь Шихуанди.

Несколько десятков лет назад его случайно обнаружил крестьянин под городом Сиань (где находилась императорская столица Чанъань). Археологи раскопали сотни terra-cottовых воинов – в человеческий рост, с индивидуальными и совершенно естественными выражениями лиц, в различной форме, с лошадьми. Установлено, что подземная армия, большая часть которой еще не раскопана, занимает равнину площадью в десятки квадратных километров. А за ней – гора, которая является самой усыпальницей. Неизвестно, когда у археологов до нее руки дойдут.

Самое удивительное, что вся эта грандиозная работа выполнялась в экстремальных условиях, когда столицу империи с нарастающей силой осаждали повстанцы, в конце концов ее победившие. Могильный комплекс врага, Цинь Шихуанди, они, однако, не тронули.

Последующие императоры возводили целые загородные дворцы – с величественными храмами, павильонами, башнями, прекрасными садами и всевозможной челядью. Под Пе-

кином в живописной долине, окаймленной зубчатыми горами, раскинулся комплекс усыпальниц тринадцати императоров Минской династии. На несколько большем удалении от столицы нашли вечный покой императоры последней, Цинской династии. В различных районах страны были воздвигнуты десятки других пышных городов мертвых.

Люди победнее хоронили родичей скромнее. Крестьяне предпочитали склоны гор, а если такое было невозможно, использовали под могилы собственное поле, обочины дорог. Делают это и сейчас, несмотря на строго звучащие запреты.

Праздник Цинмин связан именно с могилами. Как утверждает официальная пропаганда, после образования КНР Цинмин потерял религиозное значение, особенно в городах, где он ныне знаменует собой пробуждение природы от длительной зимней спячки. Первоначально, в глубокой древности, Цинмин имел как раз такой смысл. Не случайно отмечается он весной, в начале апреля. Да и название праздника красноречиво – на русский Цинмин переводится как «чистый и светлый» (словно апрельская природа).

Тем не менее уже на протяжении тысячелетий Цинмин ассоциируется в сознании китайцев прежде всего с поминовением предков. В этот день принято посещать могилы родственников, ухаживать за ними и совершать определенные обряды. Горожанам следовать традиции непросто. Ныне в городах покойников принято кремировать, причем пепел хранится в крематориях не более пяти лет.

Власти поощряют в Цинмин патриотические мероприятия возложение венков к монументам государственным деятелям, революционерам, военачальникам, гулянья в местах, связанных с памятью выдающихся личностей. В начале 1980-х годов была возобновлена церемония поминания одного из главных предков ханьцев – Хуанди (Желтого императора) – в провинции Шэньси, на месте, которое считается могилой этого легендарного правителя.

Но людям этого мало, им надо общаться с собственными родичами. В мегаполисах для данной цели используется домашний алтарь. Но у многих горожан остаются корни в деревне. А там Цинмин и культ предков в целом не смогла сломить даже безумная «культурная революция». Паломничество к могильникам снова в моде.

Я не раз наблюдал китайцев в Цинмин еще в 1960-е годы в Сингапуре, а позднее и один, и вместе с Наташей – и в США, и в КНР, и на Тайване, и в ряде других мест. Традиции с годами почти не меняются.

Ранним утром все семейство взбирается на холм неподалеку от родной деревни и начинает энергично расчищать и промывать место вокруг могил предков. На бамбуковые шесты нацепляются желтые ленты, шесты втыкаются в землю. Делается это, чтобы отпугивать бродячих привидений. Считается, что в них превращаются люди, которые не имеют потомков или о захоронении которых потомки не смогли или не захотели позаботиться. Оставшись без постоянного ме-

стожительства, духи бродят по земле и творят всякие нехорошие дела.

После окончания работ семья выстраивается перед алтарем, находящимся у могилы. На него водружаются подношения усопшим – пампушки, апельсины, чай, спиртное. Зажигаются свечи, курятся благовония.

Каждый член семьи мужского пола совершает ритуал «коу тоу» – трижды падает ниц и трижды кланяется под канонаду хлопушек. Далее поджигаются ритуальные денежные знаки, на костер брызгают спиртным. Повторяется процедура «коу тоу». В заключение подношения или съедаются, или забираются назад домой. Перед уходом с кладбища вновь взрывают хлопушки. По возвращении в деревню семья посещает местный храм предков, у некоторых же сохраняются собственные домашние храмы, и тогда путь семьи лежит туда.

Я заходил в такие храмы на острове Хайнань: невзрачные каменные бараки, заставленные свечами, завешанные пожеланиями на красной бумаге и пропахшие причудливой смесью благовоний и пороха от хлопушек. На алтарях красовались фарфоровые фигурки, окруженные подношениями.

Хозяин одного из хайнаньских храмов показал дощечки с именами предков. При этом пояснил, что на дощечках представлены имена предков-мужчин, принадлежащих четырем последним поколениям. Пока дощечки находятся в часовне, никто из сородичей не может взять себе имена, зафиксированные на этих дощечках. «Когда умру я, – продолжал муж-

чина, – в часовню положат дощечку с моим именем, а дощечку моего прапрапрадеда уберут. Его имя тут же будет дано новорожденному в семье, тем самым одна из добродетелей семьи, которая сохранялась четыре поколения в храме, вернется в реальную жизнь потомков, будет им помогать».

Предков поминают также у домашних алтарей, а то и просто на улицах, с помощью гадалщиков и самостоятельно. В Сингапуре 1960-х годов я неоднократно был свидетелем того, как посреди шумных и людных базаров пожилые особы поджигали целые кучи бумажных имитаций разнообразных предметов, якобы необходимых усопшим предкам, – денежных банкнот, лошадей, повозок, тарелок, кроватей, золотых и серебряных слитков.

Очень, кстати, рациональная традиция (так же, как и поедание живыми всамделишной пищи после того, как она «отметилась» коротким пребыванием на алтаре жертвоприношений предкам). В древности нравы были и более суровые, и менее рентабельные. В склепы усопших вельмож порой замуровывали живых слуг в придачу к драгоценностям, шелкам, резной мебели и полным сил лошадям.

В старину в Цинмин устраивались и иные утехы, включая игры с мячом, петушиные бои, собачьи бега. Особой популярностью пользовалось запускание воздушных змеев. Китайцы изобрели их еще в V–IV веках до н. э. и использовали даже в военных целях (подавая с помощью воздушных змеев различные сигналы). Изготавливали их самых различных кон-

фигураций, снабжали свистками и другими приспособлениями. Постепенно привычка запускать змеев перестала быть прерогативой Цинмина. Это делается в любой ветреный денек.

Конфуцианство и легизм

*На богатства и почести, приобретенные
нечестным образом, я смотрю как на блуждающие
облака.*

Конфуций

Как-то вскоре после приезда на работу в советское посольство в Пекине (в 1982 году) мы с женой ходили по универсаму для иностранцев «Дружба». В отделе фарфора я поинтересовался у продавщицы:

– Что это за статуэтка? Святой или герой древности?

Продавщица, усмехнувшись, ответила загадочно:

– Это тот, кого недавно приказывали «добить как крысу, перебегающую улицу».

Я сообразил, что речь шла о великом китайском мыслителе Конфуции. Во время «культурной революции» была развернута кампания «критики Линь Бяо и Конфуция».

В чем только не обвиняли Конфуция! Древний мудрец якобы пытался «возродить права и власть рабовладельческой аристократии», «реставрировать старую реакцию и заставить рабов во всей стране покорно склонить голову». «Старикан Кун, – указывалось в одной из разоблачительных статей, – во-первых, не понимал революционной теории; во-вторых, не умел заниматься производительным трудом, был начисто лишен каких-либо талантов и являл собой

лишь большой мешок, наполненный трухой. Трудовой люд взирал на старикана Куна как на крысу, которую все гонят и бьют...»¹

В другой статье утверждалось: «Класс помещиков и буржуазия превозносили Конфуция до небес. На самом же деле он отнюдь не такой уж выдающийся. Он не только не знал ремесел, ничего не понимал в земледелии и огородничестве, но к тому же ничего не смыслил в тенденциях развития общества того времени. Вся его “ученость” – попросту труха, которую трудовые люди и в грош не ставили. В их глазах Конфуций был не кем иным, как паразитом и невеждой»².

Согласно пропагандистам «культурной революции», народные массы часто нападали на Конфуция и его учеников, вынуждая их бежать «как псов, потерявших дом». Те же пропагандисты шельмовали Конфуция и его последователей за «извечное капитулянтство», нежелание отстаивать интересы государства перед лицом угроз извне.

В кампанию по разоблачению Конфуция были вовлечены миллионы китайцев – от кадровых работников до крестьян, от пенсионеров до школьников младших классов. Все они должны были участвовать в шествиях и собраниях, произносить гневные речи, громить конфуцианские храмы. В качестве подспорья власти миллионными тиражами выпускали книжечки и наглядные пособия (картинки, лубки, комик-

¹ Хунци. 1974. № 4. С. 10–14.

² Жэньминь жибао. 1973. 24 сентября.

сы) с разъяснением «гнилой сути» конфуцианства. «Реакционер», живший более двух тысяч лет назад, поносился на чем свет стоит в бесчисленных радиопередачах, статьях, брошюрах и книгах. По городам и деревням страны спозаранку и до глубокой ночи несли боевой клич: «Добьем Конфуция как крысу, перебегающую улицу!»

После прихода к власти реформаторов нападки на Конфуция были прекращены и списаны на счет зачинщиков «культурной революции», «банду четырех». Измываясь над Конфуцием, «банда четырех» якобы стремилась подорвать позиции премьера Чжоу Эньлая и многих других деятелей ЦК КПК, нанести удар по самому Мао Цзэдуну и узурпировать власть в стране.

Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» действительно была одним из фронтов политической борьбы в китайском руководстве. Другое дело, что, по сути, возглавлял ее лично Мао Цзэдун. И выбрал он имя Конфуция в качестве прикрытия для нападок на своих оппонентов не случайно. Мао, как и некоторые другие коммунисты, в самом деле недолюбливал древнего мудреца. Но об этом позднее. А сейчас вспомним биографию философа, суть его учения и роль в истории Китая.

Точных данных о жизни Конфуция нет. Считается, что он родился в 551 году до н. э. в княжестве Лу, нынешней провинции Шаньдун, в семье чиновника. Мальчик рано осиротел, жил в бедности, служил в различных, в основном незна-

чительных, должностях, много скитался по стране, на старости лет вернулся в родной край, где обзавелся многочисленными учениками. Нет никаких свидетельств, что Конфуций написал какие-либо труды. Свои мысли он выражал вслух, причем базировался большей частью на чужих трудах, созданных намного ранее, а впоследствии признанных классическими: «Книга песен» («Ши цзин»), «Книга преданий» («Шу цзин»), «Книга перемен» («И цзин») и ряд других. Считается, что мудрец редактировал летописи царства Лу и в процессе внес в текст собственные идеи. После Конфуция осталась лишь книга «Суждения и беседы» («Лу-ньюй»), скомпонованная позднее его учениками. Но и этот манускрипт был утерян и восстановлен лишь пять столетий спустя.

«Лу-ньюй» состоит из афоризмов, которые не образуют единого текста и не систематизированы. Многие из них трудно или даже невозможно понять. Заслуга в утверждении и дальнейшем развитии мыслей учителя принадлежит многим поколениям его последователей. Они, кстати, и канонизировали биографию мудреца, приукрасив ее описанием почти сверхъестественных качеств Конфуция. Он якобы был огромного роста, невероятной физической силы, обладал чрезвычайно обостренными органами чувств и фантастическими знаниями во всех сферах, мог, в частности, перечислить все доисторические предметы и определить наименование самых таинственных животных и самых необычных ми-

нералов.

Каков был Конфуций на самом деле – неизвестно, но на протяжении более двух тысячелетий этот человек почитался в качестве высшего учителя, мудреца и святого нации, а его идеи легли в основу государственного устройства, социальных взаимоотношений, морали и этики китайского общества и определяли жизнь Китая вплоть до конца XIX века.

В чем же заключается суть конфуцианского учения? Конфуций жил в эпоху активного формирования частной собственности, борьбы за землю и другие ресурсы, за контроль над развивающимися ремеслами и торговлей. Это породило социальные конфликты и войны, вело к разрушению прежних взаимоотношений в обществе, к резкому падению нравов. Сосед нападал на соседа, богатеи измывались над окружающими, сын грабил отца. Катаклизмы ошеломляли мыслящих людей, порождали у них тоску по прошлому.

Именно ностальгия об утерянном «золотом веке» прошла красной нитью через учение Конфуция. Мудрец с горечью отмечал: «...В древности распущенные все же умели сдерживать себя. Ныне распущенные ведут себя разнузданно. В древности сдержанные люди не выражали открыто своих чувств. Ныне же сдержанные люди гневаются и плачут. В древности даже глупцы отличались прямоотой. Ныне творят обман»³.

Чем больше общался философ с окружающими, тем суро-

³ Цит. по: Ян Боцзюнь. Луньюй и чжу. Шанхай, 1965. С. 194.

вее звучал его приговор человеческой природе. Люди, констатировал Конфуций, стремятся только к богатству и знатности, их пугают лишь бедность и безвестность.

Мудрец верил, однако, в возможность того, что некоторые люди (меньшинство) способны преодолеть в себе пороки и стать «благородными мужами» («цзюнь цзы»). «Благородный муж» – это идеальный человек, который обладает, прежде всего, человеколюбием («жэнь») в самом широком понимании этого слова.

Является справедливым, искренним, почтительным, приветливым, сдержанным, преданным государственным делам, непримиримым к порокам, постоянно совершенствующим свои знания. Большинство людей стать «цзюнь цзы» не способно, таковых Конфуций относит к категории «сяо жэнь» («маленьких людей», или людей низшего сорта, простолюдинов). В то время как «цзюнь цзы» думает о морали и долге, «сяо жэнь» озабочен лишь тем, как бы получше устроиться и извлечь выгоду.

Согласно конфуцианской схеме, «благородные мужи» управляют обществом и государством, а простолюдины им подчиняются. При этом управляющие должны неукоснительно следовать «правилам» («церемониям») – «ли», уходящим своими корнями в «золотой век» прошлого, в деяния совершенномудрых правителей Поднебесной – Баоси, Шэньнуна, Хуанди, Яо, Шуня, Юя и других.

Эти «правила» включают в себя сыновнюю почтитель-

ность к родителям и предкам («сяо»). До Конфуция китайцы практиковали культ предков в рамках собственного рода, мудрец же расширил рамки культа до масштабов государства. Также в соответствии с канонами древности утверждались отношения между мужем и женой, старшими и младшими, правителями и подданными, между друзьями.

«Цзюнь цзы» должны были внедрять «правила» в народ, воспитывать его, опираясь на человеколюбие и действуя по принципу «золотой середины». Данный принцип предписывает руководствоваться здравым смыслом, стремиться к сдержанности и умеренности, избегать абстрактных теорий и любых крайностей. Западная традиция требует настаивать на своей правоте, разбивая в пух и прах аргументацию оппонента. Китаец же в споре, как правило, предпочтет занять срединную позицию. Он скажет: «В этом споре А прав, но и Б тоже не ошибается».

В трактате «Шу цзин» («Книга преданий»), содержащем, как считается, самые древние политические документы Поднебесной, император Яо, отрекаясь от трона, дает совет императору Шуню: «Держись середины!» Другого идеального императора, Тана, философы хвалили за то, что он «придерживался середины». Император имел привычку выслушивать диаметрально противоположные точки зрения, а затем принимать компромиссное решение, которое находилось посередине от крайностей. Есть даже мнение, что китайцы называли свое государство Срединным (Чжунго) из любви к док-

трине «золотой середины». Хотя согласно другой, и более распространенной, интерпретации ханьцы тем самым подчеркивали центральное, главенствующее место Китая в мире.

Благородное правление, по убеждению Конфуция, открывало возможности для поддержания в государстве гармонии. Низы верили бы верхам, и каждый послушно выполнял бы свои функции. «Пусть правитель будет правителем, подданный – подданным, отец – отцом и сын – сыном», – говорил Конфуций. Воспитание народа мыслилось как главное средство обеспечения незыблемости существующего политического устройства.

В государственной модели, предложенной Конфуцием, таким образом, на небывалую доселе высоту вознесена бюрократия. «Благородные мужи» становились и носителями, и толкователями «правил», подсказывая высшему правителю, как внедрять их в практику. Влияние «цзюнь цзы» усиливалось еще и тем, что Конфуций привлек к своей теории традиционный для ханьцев культ Неба. Все земные дела происходили по велению Неба. Наместником Неба являлся император, «Сын Неба». А вот толковать волю Неба могли только бюрократы – «цзюнь цзы». Если происходило стихийное бедствие, скажем потоп или землетрясение, именно «цзюнь цзы» решали, что этим Небо хотело сказать. При желании они могли пустить слух, что Небо недовольно «Сыном» и желает смены императорской династии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.